

УДК 811.111:81'42:821.111

Объективация художественного образа «маленького человека»: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

О.В. ДЕЛЬВА

Предложена методика исследования вербальной ипостаси художественного образа на материале сборника Джеймса Джойса «Дублинцы» в соответствии с ключевыми доменами художественного концепта МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК, который лежит в основе формирования самого образа как доминантная содержательная единица его концептуального пространства. Методика предполагает рассмотрение корреляции понятий художественного и словесного образа, концептуального пространства и концепта, установление и анализ прямых и косвенных номинаций, активизирующих в сознании участников художественной коммуникации базисные фреймы как способ интерпретации эксплицитно и имплицитно выраженной в тексте информации. В исследовании вербального пространства образа «маленького человека» использованы интерпретационно-текстовый, семантический и лингвостилистический анализы.

Ключевые слова: концепт; фрейм; домен; образ; концептуальное пространство.

This article focuses on the ways of “little man’s” image verbalization in compliance with key domains of LITTLE MAN concept underlying image building, being the dominant unit of its conceptual space. The article reveals the correlation of image and verbal image, conceptual space and concept notions, illuminates the analysis of direct and indirect nominations, activating such cognitive structures as frames in the mind of discourse situation participants, which enable the interpretation of explicitly and implicitly expressed information of the text. The revealing of “little man’s” image verbalization is based on text-interpreting, semantic and linguostylistic analyses.

Keywords: concept; frame; domain; image; conceptual space.

Художественный образ является специфической формой отображения действительности сквозь призму конкретно-чувственной данности предмета изображения, под которой понимается совокупность индивидуально-предметных признаков, активируемых в человеческом сознании [9, с. 97]. Общеизвестным является толкование художественного образа с точки зрения кумулятивности [2], [5], [8], [11], т.е. как обобщающий, собирательный, синтетический, построенный на основе словесных образов, локализованных в рамках контекста [7, с. 11]. Такой художественный образ не может быть реализован только в одном тексте. Он носит кумулятивный характер и формируется постепенно, активируя и интегрируя определенные когнитивные структуры, вербализованные различными языковыми средствами.

В рамках концепции Л.И. Белеховой словесный образ трактуют как лингвокогнитивный текстовый конструкт, инкорпорирующий предконцептуальную, концептуальную и вербальную ипостаси, т.к. является точкой пересечения различных типов знаний: архетипного, индивидуального и стереотипного. Эмоциональный опыт человека понимается нами, вслед за Л.И. Белеховой, как когнитивное бессознательное, активирующее его смысл, архетип, и, таким образом, составляет предконцептуальную ипостась словесного образа. Концептуальная ипостась словесного образа является своеобразной целостностью, которая объединяет и упорядочивает разные типы семантических знаний, интегрируя различные концептуальные признаки сфер источника и мишени словесного образа в виде концептов и их трансформаций в концептуальные схемы. Вербальная ипостась является воплощением концептуальных схем в словесную ткань текста [2, с. 189–202].

Концептуальное измерение художественного образа предполагает определение информации об окружающем мире на концептуальном уровне. Концептуальная ипостась структурируется «когнитивными блоками» – концептами. Концепт – это «смысловая единица коллективного сознания» [1, с. 14], «квант структурированных знаний человека о мире» [13, р. 14]. Вслед за В.В. Красных, трактуем концепт как максимально свернутую структуру, которая воплощает мотив, интенции автора [6, с. 202]. Концепт зарождается как образ, а уже потом в сознании участников художественной коммуникации абстрагируется до различных понятий и смыслов [10, с. 77].

Художественный концепт МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК, являясь параболическим по содержанию своей репрезентации, т.е. содержащий в свернутом виде мотив, вызванный эпохой и интенциями автора [3, с. 59], служит основой раскрытия образа «маленького человека». Этот концепт формируется впервые в русской художественной литературе 20–30 гг. XIX в. с началом эпохи реализма. Будучи откликом на предшествующий языковой и культурный опыт, выраженный в художественной языковой картине мира первой пол. XIX в., актуализация концепта МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК в текстах Дж. Джойса выражает индивидуально-авторское осмысление национальной матрицы, образа человека конца XIX в., обуславливая актуальность его исследования.

Концептуальная ипостась художественного образа «маленького человека» репрезентована в виде фреймовой сетки концепта МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК, в рамках которой установлены связи между доменами концепта путем использования, вслед за С.А. Жаботинской [4], пропозиций или схем пяти базисных фреймов: предметного, идентификационного, посессивного, акционального и компаративного. Концептуальный анализ и фреймовое моделирование концептуальной ипостаси художественного образа «маленького человека» выявили, что базовое пространство художественного концепта МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК, заложенное русскими реалистами первой пол. XIX в., практически соотносится с понятийным пространством художественного образа Дж. Джойса. Вследствие этого, мы наблюдаем явление «закрепления художественных фреймов» («reinforcing») [12, p. 191] в ходе усиления признаков концепта МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК на материале текстов сборника «Дублинцы»: (НЕКТО) МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК есть (ТАКОЙ) пассивный, безразличный, равнодушный, разочарованный / чувствует (НЕЧТО-каузатор) тщетность, бесполезность существования / работает (ТАК) тяжело / (для ТОГО), чтобы не выделяться из толпы, влачить свое существование / чувствует (НЕЧТО-фактитив) стыд за социальный статус перед (НЕЧТО-объект) обществом / существует (ТАК) отдельно от (НЕЧТО-целое) окружения.

Ввиду выше сказанного, целесообразным является дальнейшее определение способов вербализации фреймов и их слотов в словесной ткани художественных текстов Дж. Джойса с целью выявления языковых средств вербализации художественного образа «маленького человека». Выполнение поставленной цели требует использования семантического, интерпретационно-текстового и лингвостилистического анализов. Вербальная ипостась художественного образа «маленького человека» будет раскрыта в соответствии с ключевыми доменами концепта МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК, который является основой формирования соответствующего образа.

Домен ПОРТРЕТ является наиболее значимым в экспликации художественного образа «маленького человека» в текстах Дж. Джойса, о чем свидетельствует высокая частота использования существительных-репрезентантов, активирующих данную макроструктуру: face (123), head (106), eyes (96), hair (55), body (53), figure (23), look (144), appearance (5), clothes (12), manners (21), features (8), character (5), temper (9), nature (11).

Следуя традиции русских писателей, Дж. Джойс пытается создать образ человека, искалеченного меркантильным укладом жизни, бездуховностью существования, погрязшего в «тотальном» пессимизме, который переполнял западное общество на стыке двух веков. Таков образ «маленького человека» в цикле коротких рассказов «Дублинцы» – зависимый, пассивный, «парализованный», не желающий перемен. Уже с первого рассказа цикла («Сестры») смерть пожилого священника Флинна от паралича (In the dark of my room I imagined that I saw again the heavy grey face of the paralytic, I remembered that it had died of paralysis) в рамках художественного контекста становится одной из характерных черт «маленького человека», активируя фрейм НЕКТО есть ТАКОЙ: парализованный, пассивный, не желающий действовать. Это номинативно-производное значение проходит через все рассказы цикла, играя центральную роль в создании образа «дублинца» как одна из главных черт его психологического портрета. В системе художественной коммуникации адресант – текст – адресат первый не скрывает осуждения, как бездействия, паралича «маленького человека», так и любых проявлений обмана, притворства, являющегося результатом его пассивности: My voice had an accent of forced bravery in it and I was ashamed of my paltry stratagem. Основой этого словесного образа служит метонимия: под голосом (часть) имеется в виду сам «дубли-

нец» (целое). Также образ «маленького человека» активируется прилагательным *paltry* с пейоративной коннотацией – ‘ничтожный’, ‘жалкий’ человек (слот ТАКОЙ). Единица *forced* с семантикой ‘напускной’, ‘притворный’, ‘лицемерный’ является тем недостатком, который циклично всплывает в каждом рассказе сборника и не оставляет «маленького человека» до конца его жизни. Освобождение от «паралича» для «маленького человека» Дж.Джойса возможно только после смерти, которая воспринимается как очищение: *It began to confess to me in a murmuring voice and I wondered why it smiled continually and why the lips were so moist with spittle.* Улыбка на лице «дублинца» практически никогда не фигурирует при описании его внешности и является символом его духовного освобождения, свободы, т.к. семантика номинативной единицы *to smile* несет позитивную нагрузку (‘быть довольным’, ‘добрым’, ‘веселым’).

Субдомен ЛИЦО «дублинца» вербализован прилагательными ‘безразличный’ (*vacant*), ‘мрачный’ (*heavy*), ‘массивный’ (*massive, fleshy*), ‘серый’ (*grey, colourless*), даже ‘мертвенно-бледный’ (*pallid, pale, unhealthy*): *he was a little man, with a white, vacant face; In the dark of my room I imagined that I saw again the heavy grey face of the paralytic; His face was very truculent, grey and massive; His face was heavy, pale and cleanshaven. His eyes, which were of bluish slate-colour, relieved his unhealthy pallor...; and his face... had a ravaged look; face, which carried the entire tale of his years, was of the brown tint of Dublin streets. His cheekbones also gave his face a harsh character...; His face was fleshy and pallid.* Такое портретное описание активирует фрейм НЕКТО есть ТАКОЙ и свидетельствует об индифферентности (*vacant*) «маленького человека», его душевной черствости (*harsh, truculent*) и безразличии (*ravaged*). При описании женского лица доминирует ‘белый’ цвет (*white*), чрезмерная ‘бледность’ (*pale*), ‘слабость’ (*flaccid*), выступающие в художественном контексте синонимами пассивности и паралича личности: *An unknown solitary woman with a pale face walked through the room; ...and grey also, with darker shadows, was her large flaccid face.*

Домен ВНЕШНИЙ ВИД «дублинца» вербализирован существительными ‘внешний вид’ (*look*) и ‘одежда’ (*clothes*), прилагательными ‘осунувшийся’, ‘увядший’ (*faded, pale*), ‘потрепанный’ (*shabby*), ‘мрачный’ (*black*), что придает образу «маленького человека» характеристике посредственности, незаметности, слияния с толпой: *His black clothes were tightly buttoned on his short body... the collar of his shabby frock-coat was turned up about his neck; The women followed with keen eyes the faded blue dress which was stretched upon a meagre body; She wore the pale blue summer blouse...; The light of the lamps of the church fell upon an assembly of black clothes.* Номинативные единицы *pale, faded, shabby* не только активируют фреймы НЕКТО имеет НЕЧТО, НЕЧТО есть ТАКОЕ, но и апеллируют к образу «маленького человека» с негативной коннотацией ‘жалкий’, ‘слабый’, активируя предметный фрейм НЕКТО есть ТАКОЙ.

Домен БЫТ в художественных текстах Дж. Джойса, как и русских писателей-реалистов, характеризуется признаками стабильности и цикличности. Повседневная жизнь «маленького человека» ‘однообразна’ (*evenly, regular, everyday life*), ‘трудна’ (*hard, life of sacrifices*), ‘скудна’ (*useless, irksome, tiresome, dull, weariness*) и ‘бесцветна’ (*sober, colorless, inartistic*): *His life rolled out evenly – an adventureless tale; She had hard work to keep the house together. It was hard work, a hard life; After three weeks she had found a wife's life irksome and, later on, when she was beginning to find it unbearable, she had become a mother.* Постоянное недовольство укладом своей жизни неизбежно приводит к ‘отчуждению’ (*impersonal*) и ‘одинокости’ (*loneliness*), активируя фрейм НЕКТО-часть существует ТАК (отдельно) от НЕКТО-целое: *he heard the strange impersonal voice which he recognised as his own, insisting on the soul's incurable loneliness.*

Домен ДОМ играет важную роль в экспликации художественного образа «маленького человека» в силу того, что практически все события коротких рассказов Дж.Джойса происходят в многочисленных помещениях, которыми переполнен Дублин. Их пространство является неотъемлемой составляющей жизни «маленького человека», а именно его внутреннего мира. Субдомен ЭКСТЕРЬЕР, т.е. внешний вид помещения, активируется номинативными единицами *house/home* – ‘дом’, ‘жилище’. Среди концептуальных признаков внешнего очертания дома доминируют его ‘мрачность’ (*somber house*) и ‘темный’ оттенок (*dark house*): *He lived in*

an old somber house; I looked over at the dark house where she lived; When we met in the street the house had grown somber. К другим эксплицитно выраженным репрезентантам относятся лексемы empty house ('пустой'), grey house ('серый'), poor house ('убогий'), old house ('старый'), uninhabited house ('пустующий'), ruinous house ('губительный'). Среди косвенных номинаций преобладает метафора. Содержание метафорического образа ...and felt more at ease in the dark quiet street, the somber look of which suited his mood структурировано в рамках двух областей – области-источника (экстерьер улицы – dark street, somber look) и области-цели (внутренний мир «дублинца» – mood), активирующие схему НЕЧТО есть будто НЕЧТО. Значение последнего слота расширяется за счет эпитетов dark, quiet, somber ('мрачный', 'неподвижный').

Сопоставляя различные экстерьеры помещений «дублинцев», мы пришли к выводу, что дом не просто ассоциируется с его хозяином, а является скрытым средством создания образа «маленького человека». Прилагательные экспликации в описании внешнего облика помещений предварительно обозначены и определены нами как пейоративные черты психологического портрета «маленького человека», активированные доменами ПОРТРЕТ и БЫТ – душевные 'паралич' (stupefied) и 'бедность' (poor), социальные 'несущественность' (little, stunted, unassuming) и 'ничтожность' (vague): As he crossed Grattan Bridge he pitied the poor stunted houses. They seemed to him a band of tramps, huddled together along the riverbanks, their old coats covered with dust and soot, stupefied by the panorama of sunset; I went down to look at the little house in Great Britain Street. It was an unassuming shop, registered under the vague name of Drapery. В рамках вышеупомянутых макроконтэкстов активирован фрейм НЕЧТО (экстерьер/ интерьер дома) есть будто НЕЧТО (характер «маленького человека»). Среди косвенных номинаций следует отметить персонификацию. В словесном образе: The other houses of the street gazed at one another with brown imperturbable faces, – построенном на основе данного тропа, дома приобретают черты живого существа («дублинца»), а именно способность смотреть на мрачные невозмутимые лица друг друга. Этот словесный образ активирует фрейм НЕКТО («маленький человек») имеет НЕЧТО (лицо/внешность, одежду/внешний вид) → есть ТАКОЕ (невозмутимое/ мрачное, увядший).

Для «маленького человека» его дом, как и сам Дублин, ассоциируется с тюрьмой, ловушкой (house of mourning), активируя идентификационный фрейм НЕЧТО (дом) есть НЕЧТО (тюрьма, ловушка). Мотив тюрьмы является маргинальным для доменов ДОМ и БЫТ. Несмотря на мечты и желания вырваться из своего заточения (Could he not escape from his little house?; He longed to ascend through the roof and fly away to another country), героини рассказов «Eveline», «Two Gallants», «The Boarding House», «Mother» оказываются неспособными оставить свой дом, как и избавиться от своего паралича при жизни: She set her white face to him, passive, like a helpless animal; They talked for a few moments and then the young woman went down the steps into the area of a house. Слот НЕЧТО (тюрьма) активирован глаголами to escape, to ascend, to fly away с семантикой 'избавиться', 'обрести свободу'. Мотив тюрьмы достигает апогея в ходе использования лексемы iron – 'железо', которая символизирует непреодолимую преграду на пути к свободе: Her hands clutched the iron in frenzy; She rested the nape of her neck against the cool iron bed-rail and fell into a reverie. Также частое употребление лексемы iron для номинации предметного убранства комнаты создает пейоративную коннотацию, которая ассоциируется с психологическим портретом «маленького человека» – холодного, сдержанного, угнетенного, непреклонного (НЕКТО есть ТАКОЙ). При этом доминантная роль в создании художественного образа «дублинца» принадлежит субдоменам ПРЕДМЕТЫ и ЦВЕТ, активированным номинативными единицами, обозначающими металлическую мебель и черно-белое убранство дома: a black iron bedstead, an iron washstand, a fender and irons, shelves of white wood, white bedclothes and a black rug, a white-shaded lamp, white wooden shelves.

Субдомены МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ и ОКРУЖЕНИЕ, активированные в макроконтэксте: He had neither companions nor friends, church nor creed. He lived his spiritual life without any communion with others, visiting his relatives at Christmas and escorting them to the cemetery when they died. He performed these two social duties for old dignity's sake but conceded nothing further to the conventions which regulate the civic life лексемами communication, visiting, escorting, companions, friends, relatives, – также создают негативный психологический портрет

«маленького человека» – замкнутого, безразличного, одинокого. Субдомен МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ, номинированный словосочетаниями *social duties*, *dignity's sake*, также указывает на пассивную позицию «дублинца» и активизирует акциональный фрейм НЕКТО выполняет НЕЧТО (общественный долг) для ТОГО (дань уважения, чтобы не выделяться из толпы). Встреча с родными на рождество и похороны – это все, что он признает, ради чего «должен» не на долго оставлять свой ничтожный мирок. Такое поведение активизирует поссессивно-предметный фрейм НЕКТО-часть («дублинец») существует ТАК (отдельно / *without any communion with others*) от НЕКТО-целое (окружение / *relatives, civic life*). Прямые номинации в виде прилагательного *old* и отрицания *nothing further* усиливают ощущение душевного паралича «маленького человека», его нежелание перемен, пассивность.

Рассмотренная нами методика анализа вербальной ипостаси художественного образа «маленького человека» направлена на установление путей актуализации художественных фреймов в словесной ткани текстов Дж. Джойса в соответствии с ключевыми доменами концепта МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК. Среди прямых номинаций центральную роль в вербализации художественного образа «маленького человека» играют прилагательные экспликации (*little, faded, dark, heavy, pallid, pale, lonely, iron*), когерентные ключевым доменам концепта, существительные (*face, nature, look, house, room, bond, intercourse, living, routine*), активизирующие эти домены в художественной речи, и глаголы, определяющие их межпространственные связи (*to concede, to veil, to break off, to run away*). Косвенные номинации вербализованы в виде словесных образов, в основе которых лежат, преимущественно, метафора, метонимия, персонификация. Перспективой дальнейшего исследования является установление комбинаторики периферийно расположенных концептов, относящихся к концептуальному пространству художественного образа «маленького человека», и способов их вербализации.

Литература

1. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 1996. – 104 с.
2. Белехова, Л.І. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект : дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : 10.02.04 «Германські мови» / Лариса Іванівна Белехова. – К., 2002. – 476 с.
3. Воробйова, О.П. Концептологія в Україні: здобутки, проблеми, прорахунки / О.П. Воробйова // Вісник КНЛУ. Сер. Філологія. – 2011. – Т. 14. – № 2. – С. 53–63.
4. Жаботинская С.А. Онтологии для словарей тезаурусов: лінгвокогнітивний поход / С.А. Жаботинская // Філологічні трактати. – 2009. – № 2. – Том 1. – С. 71–87.
5. Колесова А.О. Художній образ Коханої / Коханого в англійських поетичних текстах ХІХ–ХХ століття: лінгвокогнітивний та гендерний аспекти : дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.04 «Германські мови» / А.О. Колесова. – Херсон : Херсонський держ. ун-т, 2012. – 210 с.
6. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М. : Диалог, 1998. – 352 с.
7. Кухаренко, В.А. Інтерпретація тексту / В.А. Кухаренко. – Вінниця: Нова Книга, 2004. – 272 с.
8. Маріна О.С. Контрастивні тропи і фігури в американській поезії модернізму: лінгвокогнітивний аспект : дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Олена Сергіївна Маріна. – К., 2004. – 202 с.
9. Назарець, В.М. Літературно-художній образ // О. Галич, В. Назарець, Є. Васильєв. Теорія літератури / За наук. ред. О. Галича. – К. : Либідь, 2001. – С. 96–176.
10. Ніконова, В.Г. Концептуальний простір трагічного в п'єсах Шекспіра : поетико-когнітивний аналіз : дис. на здобуття наук. ступеня докт. філол. наук : 10.02.04 / В.Г. Ніконова. – К., 2008. – 558 с.
11. Ярова Н.В. Компаративні блоки у сучасній американській поезії: лінгвокогнітивний аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Н.В. Ярова – К., 2003. – 20 с.
12. Cook, G. *Discourse and Literature: the Interplay of Form and Mind*. / Cook, G. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 285 p.
13. Dirven, R., Verspoor V. *Cognitive Exploration of Language and Linguistics*. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998. – 301 p.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ